

ФЕНОМЕН НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы, связанные с капитализацией нематериальных активов в контексте состояния современных финансовых рынков.

Abstract: The article deals with the problems of modern financial markets and the impact of intangible assets.

Ключевые слова: финансовые рынки, нематериальные активы, богатство, бедность, финансовые пузыри.

Keywords: financial markets, intangible assets, wealth, poverty, financial bubbles.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая статья развивает тему, которую авторы ранее обсуждали в работах [1],[2],[3],[4]. Эта тема приобретает сейчас особую актуальность, поскольку на наших глазах разворачивается глобальное обрушение финансовых рынков — под прикрытием мирового кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Ассоциированы ли эти события? Ответ пока не ясен, однако экономические закономерности, которые привели к обрушению рынка, непосредственно связаны с той ролью, которую играют в современной экономике *нематериальные активы (НМА)*.

Феномен нематериальных активов — тема мало разработанная, поскольку за ней прячутся механизмы формирования капитала, а это знание дает конкурентные преимущества. Понять работу этих механизмов также не просто. Так, например, Эрнандо Де Сото, автор книги "Загадка капитала" задает вопрос: почему страны третьего мира бедны, даже если владеют природными богатствами, а некоторые другие — не столь богатые ресурсами — вдруг оказываются на вершине глобальной пирамиды? Суть дела в том, что любое богатство — это общественное отношение: чтобы некий актив стал функционировать как капитал, надо создать соответствующую правовую среду, нормативную инфраструктуру, отладить финансовые механизмы, превращающие экономику в динамичную саморазвивающуюся систему. Заслуга Де Сото в том, что он увидел первопричину бедности стран в неформализованности богатств: юридическая неформальность препятствует их преобразованию в акции, векселя, залладные и другие ценные бумаги, позволяющие активно вовлекать активы в экономической оборот. Требуется инвентаризация прав собственности — с выдачи соответствующих свидетельств их владельцам. [5] Однако Де Сото не учел некоторые факторы: богатства, подлежащие формализации, бывают разные, и разница эта выражается почти философской терминологией — активы разделяются на материальные и нематериальные. Именно последние играют сейчас главную роль. [6]

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

Известно, что функционирование нематериальных активов в экономике непосредственно связано с оценочной деятельностью. Рассмотрим любопытный инцидент, случившийся несколько лет назад — на форуме интернет-клуба оценщиков прозвучал вопрос: "Оцениваю нематериальные активы (НМА) на военном заводе. Сравнения — нет (все закрыто). Есть авторские свидетельства на военные разработки, которые кроме флота нигде не применяются, но патентами они не оформлены. Цель оценки — выявление нематериальных активов и постановка их на баланс при преобразовании из государственного предприятия в ОАО (с полным госпакетом акций)". В ходе обсуждения на форуме выяснилось, что авторские свидетельства, которые требовалось оценить, все засекреченные — чтобы их посмотреть, нужен допуск ФСБ, а сама задача о выявлении и оценке секретных нематериальных активов возникла, дабы изобретения не ушли по дешевке за рубеж — на этот счет, оказывается, "государство издало приказ". В клубе оценщиков начался спор: то ли надо авторские свидетельства переводить в патенты и в качестве оценки брать затраты по оформлению, то ли надо со специалистами выявлять "стоящие изобретения" — поднимать бумаги, отражающие НИОКР. А, может, изобретения эти вообще не имеют рыночной стоимости, раз засекречено все? Но как же быть тогда с иностранными агентами, которые норовят купить чертежи? В конце концов, ветку форума закрыли, и задача с оценкой НМА стала еще более таинственной.

Примерно в то же время по информационным каналам широко разошлось высказывание аудитора Счетной палаты РФ Сергея Абрамова о том, что правильный учет нематериальных активов может повысить капитализацию нашей страны почти на четверть, — для этого необходимо провести полную инвентаризацию НМА и результатов интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность — ИС). В финансовом выражении стоимость нематериальных активов на всю Россию — немногим больше 100 миллиардов рублей, а за рубежом в одной только корпорации Airbus аналогичный показатель составляет 16,5 млрд. евро. Причем свои ноу-хау у нас не оценивают (не ставят на баланс как НМА) не только государственные учреждения, но и частные компании. Между тем, в развитых странах, по данным Счетной палаты, нематериальные активы составляют 30-35% общей капитализации государств, а в корпорациях этот показатель может достигать и до 70%. "Пока мы не вовлечем имеющуюся интеллектуальную собственность в экономический оборот, мы не выйдем на инновационный путь развития", — убеждал аудитор [7].

С этим можно согласиться, но вызывает сомнение прописанный рецепт — "создание государственного реестра ИС". Это напоминает советы мудрого Де Сото о всеобщем юридическом оформлении всех прав собственности. Однако, что мы получим, если армия оценщиков, ангажированных государством, начнет учитывать НМА по копеечной цене

оформления патента? За минувшие годы в РФ появились государственные институты, решающие задачу: постановлением Правительства РФ в 2013 г. создана единая государственная информационная система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения (ЕГИСУ НИОКТР), но путь от учета результатов интеллектуальной деятельности до её капитализации еще не пройден.

Итак, в России нематериальные активы и объекты интеллектуальной собственности недооценены в разы (из-за чего страдает капитализация страны в целом), но о какой же капитализации должна идти речь? Если внимательно исследовать финансово-экономические технологии в области капиталобразования, которые использовались в Японии 70-80 годов, в США во второй половине 1990-х и в КНР в начале XXI века, можно без труда обнаружить, что взрывной рост капиталов этих стран был вызван именно оценочными и бухгалтерскими нововведениями — в контексте функционирования рынка ценных бумаг и государственного участия в экономике. Некие организационные инновации способствовали преобразованию продуктов интеллектуальной деятельности в нематериальные активы чрезвычайно высокой стоимости — с дальнейшей их конвертацией в акционерный и финансовый капитал.

Первыми масштабную капитализацию НМА провели японцы в 70-80 годах. Именно она, а не всякие там "кейрацу" или "дзейбацу", на которые ссылаются эксперты, была причиной японского экономического чуда и стремительного роста капитала. Главное чудо в том состояло, что при реальном объеме товарной массы, производимой Японией в те годы — размером в 10% от общемирового ВВП, суммарный капитал страны составлял более 40% совокупного мирового капитала.

Причина столь парадоксального явления была проста. Начиная с 60-х годов, японцы начали скупать по всему миру продукты интеллектуального труда — НИОКРы, НИРы, патенты, ноу-хау, рационализаторские предложения и т.д. Затем они оценивали их на родине по своей методике и ставили на баланс предприятий в качестве нематериальных активов уже по новой стоимости. Это позволяло им практически неограниченно увеличивать балансовую стоимость своих предприятий, в результате чего в Японии впервые в мире стоимость нематериальных активов корпораций превысила стоимость материальных, причем, в большинстве случаев — многократно. Рост стоимости активов позволял корпорациям пропорционально величине новообразованных активов осуществлять дополнительную эмиссию акций, которые, в свою очередь, появляясь на фондовом рынке, выполняли функции товара. Таким образом, как бы из ничего рождалась новая товарная масса на колоссальные, по тем временам, суммы. В результате, оборот токийского фондового рынка оказался сопоставим с совокупным оборотом всех фондовых рынков мира.

Для обслуживания столь большой товарной массы требовалась и соответствующая ей по объему денежная масса, что открывало дополнительные эмиссионные возможности уже самому государству. Образовался цикл — корпорации создавали товарную массу в виде ценных бумаг, а государство эмитировало под них денежную, в результате чего возник так называемый "финансовый пузырь" способствовавший чрезвычайно интенсивному капиталообразованию, — и к 1990-м годам стоимость акций, оборачивавшихся на токийской бирже достигла астрономической по тем временам цифры в 5,2 триллионов долларов. "Пузырь", раздуваясь, все увеличивал и увеличивал капиталы Японии: его инвестиционные брызги создавали в стране самую высокотехнологичную в мире среду обитания, а налоговые отчисления наполняли казну. Богатели и корпорации, и государство, а, соответственно, и всё общество.

Сыграло свою роль традиционное эстетическое чутье Страны восходящего солнца: к объектам интеллектуальной собственности японцы подошли не утилитарно, как на Западе (где ценят лишь возможное извлечение выгоды), а взглянули на них как на произведения искусства. В самом деле, разве не может быть прекрасным какое-либо изящное инженерное решение? Разве не обладает оно ценностью — как художественное полотно или каллиграфия на рисовой бумаге? Другим важным толчком, возможно, были рекомендации лауреата нобелевской премии Василия Леонтьева (автор методики составления межотраслевых балансов "затраты-выпуск" был потом награжден в Японии самым почетным орденом). Леонтьев подчеркивал, что наибольшее профессиональное удовлетворение испытывал, консультируя японцев. И в самом деле: если баланс находится в равновесии, то разве так уж важно, что записано в актив — что-то вещественное или нечто неосязаемое? Ведь и сам баланс — тоже сущность нематериальная!

На первый взгляд создается впечатление, что вышеописанная схема — некий фокус: мы записываем на бухгалтерский баланс нечто эфемерное, потом под эту эфемерную стоимость выпускаем акции, эмиссия их позволяет получить на счет предприятия уже реальные деньги, которые потом инвестируются в конкретное новое производство — в том числе и с использованием изобретений, поставленных на баланс как НМА. Причем круговорот происходит под эгидой государства, которое поощряет выпуском денег движение искусственно создаваемой акционерно-товарной массы. Да, подобные схемы напоминают спекулятивные пузыри, с которыми на Западе борются, начиная с XVII века, когда в Голландии луковицы тюльпанов выступали в роли акций, чей курс баснословно раздувался. Тем не менее, можем ли мы негативно характеризовать методику, если японцам она дала в целом позитивный результат?

Волна цунами финансового капитала сначала спровоцировала экономический всплеск внутри Японии, а потом захлестнула остальной мир, который к концу 1980-х годов ощутил реальную опасность того, что все на свете будет скуплено японцами. И тогда были приняты меры по сдерживанию: Японию принудили подписать "Договор Плаза" и

"Луврское соглашение", условия которых предписывали ей остановить процесс капиталообразования и начать выкуп избыточного количества акций государством (это сейчас и делается). Но, объем капиталов, созданных за предыдущий период на основе финансовых технологий, был столь велик, что, хотя они с 1990 года практически не растут, Япония и сегодня продолжает оставаться одним из крупнейших в мире кредиторов.

Таким образом, финансовые пузыри оказались отнюдь не мыльными радужными миражами, а забродившей закваской, позволившей экономическому тесту подняться и созреть. Дело не в методике, не в финансовой технологии, которая сама по себе не может быть ни плохой, ни хорошей, а в том для чего она используется экономическими субъектами — для алчного обогащения и обмана или для целенаправленного инвестиционного процесса, основанного на инновациях.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТЕМЫ

О том, что данная методика западными экономическими кругами была воспринята положительно, свидетельствует опыт США. Остановив процесс капиталообразования в Японии, американцы с начала 1990-х годов существенно усовершенствовали методику и успешно внедрили ее у себя. Успеху способствовало то, что как раз в это время началось массовое распространение персональных компьютеров, которым требовалось все возрастающее количество программных продуктов. Вскоре появился Интернет, значимость которого для развития компьютеризации трудно переоценить. Прогресс компьютерной техники потребовал новых научно-технических разработок, а программное обеспечение представляло в чистом виде интеллектуальный информационный продукт, который можно было оценивать, опираясь на субъективные критерии и ожидания. Кроме того, американцы существенно расширили сферу понятия "нематериальные активы" — то есть подвели под это все, что сегодня именуют "гудвилл" (репутация фирмы, известность продукта, популярность бренда и т.п.). Данный прием позволил американским корпорациям с минимальными издержками многократно увеличивать свою балансовую стоимость, в результате чего уже к середине 1990-х годов США обошли Японию по уровню капитализации, и в последующие 5 лет (с 1995 по 2000 год) кратно увеличили объемы своих капиталов. При этом, как и в Японии, свои капиталы они создавали на фондовых рынках, а там — с появлением Интернет-трейдинга — суточные обороты достигли триллионных сумм. Особо впечатляли показатели фондовых рынков США и в первую очередь NASDAQ — почти на порядок превосшедших по объему продаж токийскую биржу. Всё это позволило США в течение короткого промежутка времени (с 1995 по 2000 годы) удесятерить уровень своей капитализации и стать доминирующей в мире державой. Причем, как и в Японии, основу новообразованных капиталов составили именно нематериальные активы. К примеру, Microsoft уже к февралю 2000 года, оценивался более чем в 550 млрд. долларов, тогда как балансовая стоимость его материальных активов составляла лишь 16 млрд.

Из вышесказанного следует, что два государства, Япония и США, совершившие в двадцатом веке самые быстрые и большие экономические скачки, добились высочайших результатов в основном за счет нововведений в финансовой сфере. Внедрение новых финансовых технологий позволило им создать внутри своих стран условия, способствующие интенсивному образованию капиталов в больших объемах и с низкой себестоимостью, которые, хлынув во все остальные сферы хозяйствования, стимулировали их развитие. Отметим важнейшие два фактора: первый, — что основные капиталы рождаются на фондовых рынках в виде своеобразных "финансовых пузырей", и второй, — что основу этих капиталов составляют нематериальные активы. Последнее — новое веяние в мировой экономической практике и, как мы видим, именно здесь скрыт ключик, открывающий дверь в сокровищницу — не виртуальных, а вполне реальных богатств.

Ныне эстафетная палочка НМА, совершив путешествие из Азии в Америку, обогнув земной шар, вернулась в Азию, но уже в Китай, на Шанхайскую биржу.

Говоря о китайских делах, полезно сделать сравнительное отступление: известно, что за годы нового века биржевой рынок Китая вырос на 200%, и часто этот невиданный рост объясняют целенаправленной политикой привлечения к трейдингу миллионов частных инвесторов, но роста бы не было, если бы не функционировал механизм по капитализации нематериальных активов. Сравним: китайский и российский фондовые рынки — ровесники, они появились в 90-е годы прошлого века, однако по объему капитализации китайский сейчас уже вышел на второе место в мире (4,5 трлн. долл. по сравнению с США — 19,6 трлн. долл.), а, по мнению многих аналитиков, к 2025 г. крупнейшей биржей ценных бумаг станет Шанхайская. Если еще в 2005 г. российская ММВБ и Шанхайская фондовая были равными по основным параметрам и находились обе во втором десятке мирового рейтинга, то через десять лет Московская биржа опустилась на уровень третьего десятка, тогда как Шанхайская вошла в числе крупнейших фондовых площадок мира. Главное различие китайского и российского трендов выразилось в том, что развитие финансового рынка в России шло в русле интересов США и мировой финансовой олигархии, а в Китае выгоду получили государство и китайский народ.

Механизм роста тот же: развитие биржевого рынка — это эмиссия все новых и новых акций, а ценные бумаги — суть товар, значит, растет товарная масса, обращающаяся на рынке. Но для того, чтобы товарное обращение поддерживалось, должно появляться на рынке и соответствующее количество денег. Известна аксиома: количеству товарной массы всегда должно соответствовать эквивалентное количество дензнаков, следовательно, если растет товарная масса (в нашем случае в виде ценных бумаг), то финансово независимое государство, эмитирующее суверенные деньги, получает дополнительно возможность их эмиссии и пополнения бюджета свежэмитированной денежной массой. Такой механизм позволяет государственным органам решать множество проблем по обеспечению развития — расширять социальные программы,

поддерживать производство и национальную экономику в целом, а также противостоять другим государствам в конкурентной борьбе.

Конструкторы российской приватизации про такой механизм не ведали или не хотели (боялись) его использовать. На нашей приватизации обогатились американцы: акционирование бывшей госсобственности СССР привело к грандиозному приросту товарной массы — в виде акций, поступивших на рынок. А поскольку эту товарную массу надо было покрывать эмиссией денег, вместо рублей данную функцию взяли на себя "у.е." — доллары, допущенные на российский рынок. Таким образом, США под российскую приватизацию эмитировали колоссальное количество "зеленых", которые сами же использовали в интересах своей экспансии — на оплату клиентуры и скупку активов бывшего СССР по бросовым ценам. Как в России вводился доллар, как им заменяли рублевую массу, и какую политическую роль в результате сыграли "иностраннные консультанты" — это отдельный детективный сюжет. Была и прямая скупка приватизируемой госсобственности (например — Браудер, известный агент МФО). Существует также версия, что некоторые наши "новые русские" — лишь представители западных финансовых кругов, скупивших российскую госсобственность.

А вот в Китае все произошло в точности наоборот. Получен уникальный позитивный эффект: организация фондового рынка и акционирование госсобственности дали китайской казне сверхдоход — соответствующая эмиссия юаня позволила решить множество проблем. Деньги буквально некуда девать — поэтому власти КНР резко повысили благосостояние народа, проинвестировав множество полезных проектов у себя в стране. А за рубежом китайские госкорпорации стали доминировать не только в Индокитае, но и в Африке. Избыток денег выразился, в частности, в том, что китайцы соорудили впрямь много объектов, понастроили даже пустые города — с прицелом на будущее. Эти же бюджетные средства стали основой и частного бизнеса, который государство поддерживает, если он полезен для развития экономики.

Обозначенные здесь процессы шли в окружении разных экономических событий, на фоне изменяющейся геополитической обстановки, они осложнялись многочисленными мелкими и крупными переменами. Но подоплекой мировых экономических трансформаций было именно это: расширенный процесс капитализации нематериальных активов, приводящий к производству инвестиционных ресурсов — сиречь капитала. И мы просто не замечаем, что именно этот парадоксальный факт кроется за множеством очевидных явлений.

Однажды в популярном журнале опубликовали подборку статей про инновации. Один из материалов назывался "Передовой японский опыт", там рассказывалось, как много средств японские строительные корпорации вкладывают в НИОКР, что выглядит выдающимся достижением ввиду традиционной консервативности стройотрасли. Но что заставляет японцев делать это? Неужели, как считают эксперты, причиной всему

закрепленное в национальном законодательстве Японии требование к строителям непременно инвестировать часть дохода в научные разработки? Приведем наглядный пример: известна история о знаменитом японском архитекторе, который додумался сконструировать съемную опалубку с рельефом, имитирующим структуру дерева. Новация позволила придавать стенкам из голого бетона приятный для глаза вид и стала весьма популярна. Но за узором трогательного сюжета крылся экономический секрет: древеснообразная съемная опалубка была запатентована, оприходована как объект интеллектуальной собственности, и стала базой повышения капитализации строительной архитектурной фирмы. А ведь вариантов рельефов для опалубки можно придумать множество!

Или, например, реклама пластиковых окон: разве не странно, что у этого простого устройства столько модификаций — тут и число внутренних камер варьируется, и виды профилей, и отражающие покрытия, и закачивание инертного газа... Нет предела совершенству — развитие технологии пластиковых окон продолжится и впредь, ведь каждое мельчайшее технологическое изменение — это инновация, которая является результатом R&D (исследования и разработки) и становится нематериальным активом фирмы-производителя. Другая прибыльная сфера — так называемый "умный дом": оснащение компьютерной автоматикой какого-нибудь коттеджа или небоскреба. Тут обнаруживается еще более обширное поле инноваций, ведь мы оказываемся в области компьютерного программирования, где изменение одного знака в строке дает возможность создать целую коробку нового софта. Так дом, будучи вполне осязаемым и солидным объектом, вдруг стал симбиозом материального и нематериального. Причем, стоимость последнего может составить немалую часть всей оценочной стоимости объекта недвижимости. А это позволяет получить сверхвыгоду, когда "умный дом" становится залогом при получении кредита.

Еще пример: чрезмерное обилие различных банковских услуг, инструментов, карточных, депозитных, ипотечных и прочих программ, которые предлагаются финансовыми учреждениями. Одним методом кредитуют молодых людей, другим — пенсионеров, одни депозиты для молодоженов, другие для VIP-ов. А иногда, не мудрствуя лукаво, финансисты просто придумывают разные имена практически одинаковым банковским продуктам, варьируя максимумы-минимумы взносов, сроки и проценты. Зная секрет капитализации, легко понять, зачем это все делается. Каждый подобный продукт — это отдельная компьютерная программа, то есть — нематериальный актив, созданный внутри организации и повышающий капитализацию банка в той мере, в которой это позволяют делать нормы финансового приличия. Между тем, если созданный внутри фирмы программный продукт удастся продать кому-то еще, сие резко отражается при переоценке его стоимости (активно используется западными фирмами, умело продвигающими на наш рынок информационные системы — ERP, BI, CRM).

Возможно, у читателей возникло впечатление, что мы рассказываем о превращенных формах НМА с неодобрением, как бы уличая действующих экономических акторов в чем-то предосудительном. Нет, мы относимся к подобным инновациям позитивно и считаем, что они способны существенно активизировать экономику России и стран СНГ. Но сначала нам надо четко уяснить их объективную необходимость и найти наиболее эффективный режим их функционирования. Понимание смысла этого процесса приходит небезболезненно.

Еще недавно в российской финансовой периодике шла острая идейная борьба вокруг нововведений в банковской сфере. Появлялись статьи с названиями типа "Против ускоренной капитализации банковской системы", "Центробанк открывает дорогу мошенникам" и пр. В частности утверждалось: "Поправка, снимающая ограничения по использованию средств от допэмиссии, позволяет банкам использовать схемы искусственного раздувания капитала". [8] Но, тем не менее, ЦБ разрешил альтернативные виды капитализации банков, а ведь незадолго до этого, в 2003 году, в газетах появлялись заголовки: "Банкиры попались на дутых капиталах", активно шли проверки с наказанием тех, кто нарушал жесткую инструкцию о методике расчета. Нарушители возражали, доказывая, что они имеют право вычислять свой капитал, беря в расчет и "ненадлежащие активы". В ответ они слышали от государственных мужей упрёки: "Вы раздуваете капитал фиктивными деньгами!" Но, как видим, победили как раз нарушители инструкций, было признано: пора принимать меры для "увеличения капитализации банковской системы, что впоследствии может опосредованно пригодиться банкам при проведении IPO".

ЦБ разрешил банкам вносить в уставной капитал до 50% неденежными активами, например, зданиями, принадлежащими банку. Это возвращает нас вновь к проблемам строительной отрасли и значимой роли нематериальных активов в цене недвижимости. Любопытный исторический факт: в 1913 году Нижегородский банк пригласил художника Ивана Билибина расписать фресками стены и потолок операционного зала. Был, значит, и тогда какой-то механизм, заставлявший прижимистых финансистов ценить нематериальное. Так что, возможно, нынешние НМА-инновации — это просто хорошо забытое старое (вдруг выяснится, что и бухгалтерскую значимость нематериальных активов первыми открыли вовсе не японцы?). Упомянутые фрески великого художника дошли до наших дней, а эмблемой ЦБ РФ стал двуглавый орел, придуманный Иваном Билибиным — танцующая сказочная птица красуется на всех монетах и банкнотах современной России. И далеко не случайно, в XX веке художественные произведения, капитализированные благодаря страховкам, стали эквивалентом ценных бумаг — это сейчас известно и принято всеми. Специальным решением в России художественные коллекции и другие арт-ценности допущены на роль базовых активов паевых инвестиционных фондов.

Итак, роль нематериальных активов в капитализации предприятий была в 2007 году признана на самом верху — в Центральном Банке РФ. Ожидалось, что в ходе расширения

российского фондового рынка эффективный механизм создания финансовых капиталов начнет работать во всю мощь. Рассчитывали, что благодаря этому Россия будет уверенно двигаться по пути Японии, США и Европы. Но в 2008 году разразился мировой финансовый кризис, который смешал все планы. И хотя капитализация нематериальных активов сейчас вошла в приоритеты государственной политики (требуется при выполнении НИОКР за деньги государственных субсидий, выдаваемых по ФЦП "Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса РФ", по программе кооперации вузов и реального сектора по постановлению Правительства РФ от 09.04.010 №-218, в процессе работы государственных фондов, содействующих инновациям), всё же реального перелома пока не произошло.

ПРОБЛЕМЫ ОСТАЮТСЯ

До сих пор сохраняется предубежденность, будто нематериальные активы — некий волк в овечьей шкуре. Что неосязаемые активы в экономике существуют, никто не сомневается. Проблемы начинаются, когда встает вопрос об оценке НМА. Кто, как и каким образом должен оценивать их? На экономическом форуме, проходившем в Красноярске, одному из авторов данной статьи довелось пообщаться с директором Республиканского НИИ интеллектуальной собственности В.Н. Лопатиным. В разговоре доктор юридических наук отметил, что с оценкой интеллектуальной собственности в России "полный завал", что понимающих суть дела экспертов-оценщиков в стране единицы, а стандарты оценки её еще только разрабатываются. Но так ли все плохо? Если можно свободно запустить процесс капитализации НМА, зачем придумывать искусственные препятствия там, где их нет? Более того, ведь предлагают выработать стандарты для процесса, которого пока нет. Один из крупных специалистов в области интеллектуального капитала А.Н. Козырев из Центрального экономико-математического института АН РФ в своем докладе "Оценка интеллектуальной собственности и нематериальных активов", написанном для Европейской экономической комиссии и координационной группы по оценке и капитализации нематериальных активов, указывает на множество сложнейших проблем. [9] Например, уникальна мультипликативность частей интеллектуального капитала — превращение в нуль одной из них обнуляет и всё остальное. (Если лопается деловая репутация фирмы — обрушиваются и все достижения предыдущего этапа ее капитализации.) Или другой пример: лицензионный договор на пользование объектом ИС всегда подразумевает роялти и множество условий, которые оговариваются при заключении соглашения, а вот от оценщика требуется выносить оценку объекта ИС одновременно, — что говорить про субъективность, если будущая ошибка в оценке задана по определению! Так, может быть, нам требуется не устранение субъективности в оценке НМА, а простое человеческое доверие к интуитивному пониманию сути дела профессиональными экспертами?

Используем одну вольную аналогию. В последнее время вошла в моду т.н. эконофизика — стали поверять экономическую гармонию физикой, а там есть интересный методологический курьез: для того, чтобы определить наличие силового поля, надо внести в эту область пространства пробное тело — заряд (иначе о существовании поля говорить нельзя, поскольку оно не наблюдаемо). Так и в случае НМА: вы априорно можете оценить их, но есть еще и апостериори — только рыночная капитализация позволит уточнить реальную стоимость. Здесь парадокс: для того, чтобы выпустить акции, предприятие должно оценить свои активы, в том числе и нематериальные — значит, нужна оценка. Но когда эта формальная процедура произведена и акции, наконец, выведены на рынок, мы обнаруживаем теперь вторую — рыночную капитализацию, показывающую цену данного бизнеса. (И никто не упрекнет рынок в субъективности!)

Раз уж мы позволяем себе рискованные аналогии, обозначим еще одну. На этот раз не из физики, а из области игр, что, пожалуй, к экономической жизни ближе. Все знают, что такое блеф — ситуация, когда карточный игрок изображает, дескать, у него на руках отличные карты — и самоуверенно повышает ставки. Если ему все уступят, он выиграет. Но ведь и обычный игрок, у которого карты реально хорошие, поступает точно также — то есть увеличивает ставки. Ситуация похожа на поведение экономических акторов, использующих НМА для капитализации. Все объекты интеллектуальной собственности, все нематериальные составляющие капитала — это как бы козыри на руках игрока. Если он правильно оценил их силу — выиграет и получит инвестиционный ресурс. Сила его "козырей" определяется объективным достоинством их (то, что должен выразить в своем отчете оценщик) плюс к тому — дополнительная значимость, определяемая потребностями экономики и общества в данный момент. Последнее обстоятельство и выражается в рыночной оценке, — становятся ясными и роль оценщика, и границы субъективизма. Одновременно выясняется суть "фиктивного капитала": ведь блефующий игрок осознает слабость карты, и он лишь делает вид, дескать, у него козыри на руках. Однако суть экономической игры в том и заключается, что так делать можно, но игрок, избравший этот путь, сильно рискует.

Таким образом, бессмысленны уверения, что капитализация НМА не настоящий капитал, что это обман, ведущий к раздуванию финансового пузыря. Вовсе нет: таков нормальный и единственный путь поступательного экономического развития. На первом этапе эксперт берется оценивать объекты интеллектуальной собственности, он оценивает части интеллектуального капитала на основе своего опыта и информации, ему предоставленной. Далее запускается процесс капитализации НМА — в лоне действующей экономики возникают значимые инвестиционные ресурсы. И все идет как надо. А когда скептики говорят: "Вы начинаете надувать пузырь, который рано или поздно лопнет" — мы отвечаем: "Все дело в чувстве меры. Если закачать в воздушный шар слишком много газа, его разорвет, но, если мера соблюдена, вы сможете подняться ввысь и посмотреть сверху — на слишком осторожных".

Существует и другое — идейное — возражение, дескать, всё это капиталистические финансовые механизмы и технологии, это обман народа и эксплуатация трудящихся. Но, ведь они существуют реально и работают, принося невиданные дивиденды их реализаторам. А если мы по идеологическим причинам пренебрегаем изучением этих методов — можем оказаться в аутсайдерах глобальной конкуренции и даже стать жертвами использования против нас грозного финансового оружия. [2] Да, конечно, в экономике трудно определить наверняка все параметры, нужные ради соблюдения меры. Нам не известны — ни прочность ткани воздухоплавательного прибора, ни его точный объем, ни давление газа при данной температуре, ни, тем более, погодные условия предстоящего полета. Так что, если допущена ошибка, может получиться "большой барабум", как это случилось, скажем, в США при крахе "доткомов" — переоцененных ИТ-компаний. Но и тогда, пострадали не американские опытные игроки рынка, а в основном "новые русские", поверившие в завышенные курсы силиконовых технологий. Показательно, что в ИТ-индустрии, говоря о крахе "доткомов" делают акцент не на капитализации нематериальных активах, выраженных в интеллектуальной собственности, а на вине недобросовестных аналитиков. Финансовое оружие американцы продолжают прятать в тени.

Однако тайное — всегда становится явным, и пример Китая подтверждает эту евангельскую истину. Используя механизм капитализации нематериальных активов, китайцы серьезно повысили уровень капитализации страны и вырвались в лидеры, что сильно озаботило дряхлеющего мирового лидера — США. Однако в отличие от Японии, Китай не подконтролен глобалистам. Поэтому, они — с целью остановки его капитализации и развития — будут использовать любые методы, вплоть до военных. В условиях противостояния Запада и Китая существенно ослабнет контроль глобалистов за экономикой и финансами России, что открывает возможность для запуска процесса капитализации нашей страны и создания финансового изобилия, условий, необходимых для обеспечения интенсивного развития.

НЕЯСНОЕ БУДУЩЕЕ

Мы констатировали, что капиталобразование с использованием НМА — новое явление, присущее только современной экономике. И хотя внешне оно проявляется как раздувание спекулятивного пузыря, тем не менее, на начальной стадии процесса — это мощный рычаг для раскрутки инвестиционного маховика. Мы привели множество примеров, подтверждающих правильность сделанного утверждения. Тем не менее, остался фундаментальный вопрос: ведь не могут быть тут одни плюсы, а, если так, тогда какими отрицательными последствиями можно поплатиться за весь этот позитив? Попытаемся разобраться и в данной проблематике. Тем более, что она имеет непосредственное отношение к текущим мировым событиям.

Вспомним, после небывалого роста китайского фондового рынка, вдруг осенью 2015 года неожиданно случился обвал. Кризис отразился в целом на глобальном финансовом рынке. Мировые СМИ сразу же зашумели: начало мировому кризису положено в Китае — это он виноват! Нет сомнения, что этот мотив будет звучать и в текущем году (он уже звучит, американцы не устают подчеркивать, что COVID-19 пришел из Китая). Однако не будем обманываться: если на мировых финансовых рынках начинается схлопывание раздутых финансовых пузырей, то виноваты в этом те, кто их безоглядно раздувал, и начало положил этому не Китай, а хозяева мировых денег — мировая финансовая олигархия. Часто появляются утверждения, мол, в США "печатают доллары, сколько хотят". На самом деле, это серьезная ошибка: не США эмитируют доллары, а мировая финансовая олигархия (МФО), а США всего лишь их базовая территория. Напомним: для того, чтобы созданные виртуальные капиталы не вызвали инфляцию, их надо уравнивать — создавать товарную массу в эквивалентном размере. Это и делалось с помощью описанного нами механизма — капитализации нематериальных активов (через функционирование фондового рынка, благодаря росту курса акций). Мировой фондовый рынок непомерно возрастал за счет капитализации НМА (и не только интеллектуальной собственности, но и "гудвиллов" — оцененных репутаций популярных фирм, среди которых социальные сети и коммуникационные сервисы). В пропорциональном объеме и увеличивался выпуск виртуальных долларов. Легкие доллары шли не только на финансирование научно-технического прогресса и совершенствование социальных инфраструктур, но и на финансирование военных действий, секретных подрывных операций, на подкормку вассалов и вербовку "пятых колонн", а также на поддержку пропагандистских программ, призванных успокоить американское народонаселение. Самое опасное направление — это, конечно же, скупка мировых богатств и мирового рыночного пространства. Именно для этого сейчас введена рыночная покупка земли на Украине и провоцируется принудительная приватизация госсектора Белоруссии, — в преддверии обрушения мирового фондового рынка финансовая олигархия стремится максимально широко перевести свои виртуальные богатства в реально осязаемую предметность.

Фондовый рынок, как мы говорили, раздувался за счет капитализации разных нематериальных активов, а также в ходе создания вторичных ценных бумаг — деривативов (фьючерсов, "мусорных" облигаций и пр.) Все эти финансовые механизмы и инструменты создавались на базе долларовой финансовой системы и экономики США под жестким контролем мировой финансовой олигархии (МФО). И все было бы хорошо, виртуальные капиталы работали на общий прогресс, но вот беда — размеры созданных виртуальных капиталов оказались чрезмерными, что было вызвано непомерными амбициями правящей Западом МФО. Из-за этого весь механизм оказался под угрозой — миллионы инвесторов начинают подозревать, что рынок переоценен и может обрушиться. Потому, чтобы пузырь не сдулся, его все время подпитывают свежэмитированной денежной массой, но это не может продолжаться вечно. Всему когда-то приходит конец.

Финансовый кризис явно отличается от стихии землетрясения, которая внезапно приходит из неведомых земных глубин. Он больше похож на бурю, о приближении которой обычно свидетельствует множество признаков. В современной экономической науке созданы соответствующие барометры и, как правило, специалисты знают о предстоящей беде. В частности, известный трейдер Нассим Николас Талеб в октябре 2007 года писал: «государством компания "Фэнни Мэй", по моим скромным прикидкам, сидит на пороховой бочке и может взорваться от малейшего чиха», но многочисленные учёные посчитали, что такое развитие событий маловероятно. [10]

После известных событий 2008 года прошло более 10 лет, но экономическая ситуация только ухудшилась. Финансовая система Запада демонстрирует все большую неустойчивость, и виной тому триллионы долларов "легких капиталов", созданных из фиатных денег на финансовых рынках путем капитализации нематериальных активов. В настоящий момент разворачивается драматическая картина: управляемое обрушение финансовых рынков под прикрытием различных спектаклей, связанных с нагнетанием международной напряженности. Зная реальную подоплеку западной политики, мы легко можем теперь объяснить многие мировые события последнего времени, а значит — и принять соответствующие контрмеры. Если мы сумеем смирить амбиции МФО, то в дальнейшем главный экономический механизм современного информационного общества — капитализация нематериальных активов — будет работать на благо стран и народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павел Полуян, Анатолий Отырба, "Машина по производству капиталов". / "Парламентская газета", №№ 132 и 136, октябрь, 2007.
2. Отырба А.А. Финансовые пузыри – оружие в межгосударственной конкуренции. /Журнал "Научный эксперт", № 12, 2009. URL:<https://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/view/42963>
3. Полуян П.В. Контролируемое обрушение финансовых рынков: рефлексивное управление в действии. / Журнал "Рефлексивные процессы и управление", январь-декабрь, 2013. ИФ РАН и ИП РАН, г. Москва. URL: http://reflexion.ru/Library/J2013_1-2.pdf
4. Отырба А.А. Концептуальные основы информационной экономики. URL:<https://aurora.network/articles/6-jekonomika/79414-kontseptual-nye-osnovy-informatsionnoy-jekonomiki>
5. Эрнандо де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Перев. с англ. М: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004. URL:<https://klex.ru/88o>

6. Концепция создания посткапиталистической общественной формации — социал-корпоративизма. URL:<https://aurora.network/articles/1-mirovoy-krizis/78949-kontseptsija-sozdaniya-postkapitalisticheskoy-obshhestvennoy-formatsii-sotsial-korporativizma>
7. Капитализация России может возрасти почти на четверть, если правильно учитывать нематериальные активы. / Новостной портал "Newsru.com", 12 апреля 2007. URL:<https://www.newsru.com/finance/12apr2007/nma.html>
8. ЦБ вводит альтернативные виды капитализации банков. / Новостной портал "Banki.ru", 28 ноября 2006. URL:<https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=234360>
9. Козырев А.Н., Макаров В.Л. Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности. – М.: Интерреклама, 2003.
10. Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – М.: Колибри, 2012.

Отырба Анатолий Асланович

Профессор Академии Геополитических проблем. Генеральный директор Фонда интеграционного развития Азиатско-Тихоокеанского региона.

Полуян Павел Вадимович

Доцент кафедры философии ГИ Сибирского федерального университета, кандидат философских наук, генеральный директор ООО "Институт оценки информации".